Мадрудин Магомед-Эминов

ВОЗВРАЩЕНИЕ САМОИДЕНТИЧНОСТИ ЛИЧНОСТИ ПРИ ГОРЕ: АВТОРСКИЙ ПОСТМОДЕРНИСТСКИЙ ПОДХОД

Аннотация. *В статье представлен постмодернистский поход к проблеме трансформации самоидентичности личности при горе. Феномен работы горя интерпретируется как работа личности в трагической ситуации человеческого существования – утраты близкого человека. Темпоральность является ключевым аспектом для понимания работы травмы, горя и синдрома утраты. Анализируются два традиционных подхода к горю, предлагается постмодернистская трансформационная модель, согласно которой темпорально трансформируются самоидентичность утратившего, репрезентация утраченного и привязанность субъекта к утраченному. Отстаивается идея триединства обращения личности с событием утраты и горя – переживание страдания, проявление стойкости, мужества к испытанию, утверждение смыслов бытия в собственном существовании («страдание – стойкость – рост»).*

Ключевые слова: *работа горя, работа личности, модусы работы личности, трансформация личности, самоидентичность, темпоральность, рекурсивность бытия личности.*

Annotation: *The postmodernist approach to the problem of self-identity transformation of personality in the process of grief is presented in this paper. The phenomenon of grief work is interpreted in terms of personality work in a tragic life situation – loss and bereavement of a close one. Temporality is considered a core aspect of trauma work, grief work and loss. In the article two traditional approaches to bereavement are analyzed and the new post-modern transformative model is proposed. In this model is supposed that self-identity of a person who experienced bereavement, representation of a lost person and con-*

nection with that lost one has been being temporally transformed. The idea of triadic attitude to the event of loss and grief is presented in the paper: suffering – hardiness – growth, which means experiencing suffering, manifestation of firmness, persistence, hardness, courage, constitution of meaning of life being.

Keywords: *grief work, personality work, moduses of being of personality, personality transformation, self-identity, temporality, recursiveness of being of personality.*

Проблема разрыва или сохранения уз

Проблема, которую я хочу поставить в предлагаемой статье, порождена противоречием в понимании переживания человеком утраты, возникшим между классической концепцией «разрыва уз» и модернистской концепцией «продолжения привязанности». Прежде чем я предложу свое видение разрешения этой проблемы, несколько более подробно проясню суть противоречия.

Классический и модернистский подходы

Классический подход, восходящий к основополагающей работе З. Фрейда «Trauer und Melancolie» (1915), считает основной задачей работы скорби интенсивное переживание горя и освобождение от привязанности с образом умершего [1]. Говоря более формально – для освобождения от горя человек должен декатектировать, т.е. изъять привязанность от образа умершего, и перенести ее на новые объекты любви.

Модернистский подход, напротив, основывается на идее о «продолжении связи» и заявляет о необходимости сохранения связи с умершим и о позитивном значении продолжения привязанности субъекта к утраченному близкому [2]. Очевидно, что основные задачи и стратегии психологической помощи этих двух подходов идут вразрез друг с другом: то, что считается аномальным при одном подходе, признается благотворным для адаптации при другом подходе. В отечественной литературе при исследовании этой проблемы в целом отмечается крен в сторону психоаналитической концепции, особенно в практическом аспекте, хотя надо отметить оригинальную концепцию Ф.Е.Василюка [3].

Постмодернистский синтез

Жесткую дихотомическую оппозицию «или – или», возникающую на основе проповедования или разрыва, или сохранения, я предлагаю заменить на синтетическое единство «и – и», основанное на конструктивной работе, сочетающей в себе одновременно два движения: и сохранение, и разрыв. Для реализации этой идеи, в постмодернистской модели тезис – разрыв уз, и антитезис – продолжение связи, синтезируются не сугубо формально-логически или в аффективно-когнитивной сфере, а в особой, эквивокальной, диалогической структуре привязанности личности. Происходит это, на мой взгляд, не автома-

тически, а в конструктивной смысловой работе личности с опытом бытия посредством взаимодействия двух направленностей личности – аффиляции, соединения с Другим, и сепарации, отделения от Другого, создающих синтетическую, интегративную направленность личности [4]. При этом синтетическое единство двух противоположностей не является фиксированной, стабильной диспозицией, а представляет собой темпоральный продукт (временную форму) конструктивной работы, претерпевающий непрерывную трансформацию по логике решения личностью смысловых жизненных задач.

Таким образом, вместо того, чтобы укладывать переживание утраты в прокрустово ложе одной, отдельно взятой связи, я предлагаю рассмотреть его как результат скрещивания двух связей, конечно, в ходе их континуальной трансформации. При этом эти две перекрещивающиеся связи выражают находящуюся за ними «связующе-различающую» работу личности, создающую горизонт, основу для синтеза двух отмеченных интенциональностей личности и модусов ее работы. Здесь же считаю продуктивным указать на концепцию В.С. Мухиной, в которой развитие и бытие личности рассматривается через механизмы идентификации и обособления [5]. В работе с потрадавшими от природных, техногенных и социальных катастроф для практикующего психолога техники идентификации и обособления реально эффективны.

Работа горя, скорбь и меланхолия

Термины «горе», «скорбь» обозначают не только функциональный план разнообразных эмоциональных, когнитивных и поведенческих реакций, но и имеют более глубокий онтологический смысл. Онтологический смысл состоит в том, что в ходе усвоения, интериоризации опыта смерти утративший градуально отчуждается от окружающего мира и совместной деятельности, что влечет за собой угрозу самоотчуждения. Так мы подошли к вопросу о мотивации утратившего.

Заслуга З. Фрейда, на мой взгляд, состоит еще в том, что он ввел мощный психологический концепт, эвристический потенциал которого недооценен современной психологией. З. Фрейд предложил понятие «работа скорби» для психологического объяснения переживания скорби, горя и на его основе отделил нормальное горе от патологической реакции на утрату – меланхолии. Интересно, что механизм меланхолии включает в себя амбивалентную установку, нарцистическую регрессию и, что еще важно, идентификацию с объектом утраты, которая отсутствует в нормальной работе скорби.

После З. Фрейда концепция работы скорби развивается его последователем Э. Линдеманном, особенно, применительно к кризисной интервенции [6], Дж. Боулби – в стадиальном подходе на основе теории привязанности [7], К. Паркерсом – в фазном подходе [8], В. Ворденом – в концепции задач горя. Для дальнейшей дифференциации психологического переживания утраты значимого объекта от социокультурного ритуала скорби, траура я буду использовать вместо термина «работа скорби» термин «работа горя», который в дальнейшем будет пересмотрен на основе понятия «работа личности».

Почему необходима работа горя?

Для ответа на вопрос о мотивации работы горя зададим другой вопрос: в связи с чем возникает необходимость в трансформации привязанности? Отвечу: нормальная реакция на утрату отличается фиксацией на образе утраченного, отчуждением от реальности, сопровождаемым сильными душевными и физическими страданиями. Вот этот симптомокомплекс подсказывает экономическую направленность работы. Экономика здесь прозрачная – освободиться от болезненного переживания горя путем освобождения от фиксации на образе. С другой стороны, концепция «продолжения связи», создает некую видимость, будто исчезает необходимость в страдании из-за иллюзии сохранения связи. Однако здесь, по сути, речь не идет о социокультурном ритуале меморализации, памятовании, для которого характерно более мягкое переживание горевания, в отличие от оплакивания. Без сомнения, в данной концепции также рассматривается психологическая связь с образом утраченного, которая болезненно переживается человеком вопреки попыткам сохранения.

Несмотря на отмеченное различие между двумя подходами, они едины в том, что рассматривают привязанность в рамках аффективно-когнитивного принципа, в то время как привязанность конструируется интерперсонально.

От переживания горя к работе личности

Следуя общей идее трансформации личности, я пересматриваю как экономически-энергетическую, так и когнитивную трактовки с точки зрения понятия работы личности. Действительно, переживание горя далеко выходит за пределы аффективно-когнитивных реакций на потерю близкого человека, охватывая самые глубинные, ядерные смысловые структуры личности и ее отношение к трагическому бытию. Я считаю, что воздействие экстремального опыта утраты близкого человека опосредствовано смысловой работой личности с трагическим опытом существования. Следовательно, так называемая реакция утраты на потерю близкого челове-

ка в формах аномального и нормального горя является не только следствием сильного дистресса утраты, но и смысловым продуктом работы личности. При решении задачи на смысл в ситуации потери личность не остается кросстемпоральной и кросситуационной устойчивой субстанцией, а трансформируется вплоть до основания структуры личности, то есть самоидентичности.

Работа горя не может быть ограничена мотивацией дефицита – совладания с дистрессом утраты, а включает в себя более широкий горизонт. Этот бытийный горизонт задается трансформацией самоидентичности в ходе отношения личности к опыту небытия, смерти, в котором решается задача на смысл бытия в соотнесении со смыслом небытия.

Чтобы не ограничивать работу горя лишь страданием, отчуждающим человека от мира и от себя, нужно увидеть два других горизонта – испытания, стойкости и роста, развития, трансформации. Переход от негативной трактовки горя к позитивной подводит нас к проблеме темпоральности личности в смысле континуальной темпоральности, не совпадающей с дискретной длительностью, которая учреждает ситуацию смерти.

Присутствие отсутствия

Теперь будет логичным обратиться к феномену, который назовем «присутствием отсутствия» – близкий человек физически умер, но психологически продолжает существовать. Как рассматривал М. Хайдеггер, бытие человека в мире как «со-бытие с другим» [9] трансформируется в бытие человека в мире в «со-бытии без другого». Именно этот феномен характеризует саму суть исходной ситуации переживания утраты, которая выражается в явлениях неверия в утрату и поиска утраченного.

Отмечу: и присутствие, и отсутствие получают объяснение из сферы конструирования временной длительности сущего, который в рассматриваемом случае завершил свою длительность жизни и теперь может продолжать длиться только в чьей-то континуальной длительности жизни. Сохранение репрезентации Другого в работе личности предполагает конструирование временной формы, в рамках которой и организуется репрезентация Другого.

Модель сохранения

Модель сохранения как будто бы соответствует идее сохранения образа усопшего в памяти или душе близкого человека. Строго говоря, опыт утраты и, следовательно, образ утраченного, не хранится как застывший груз, багаж в складках памяти, а продолжается в конструктивной, рекурсивной работе личности. В этой культурно-исторической работе личности опыт конструируется в единстве работы приобщения и работы отчуждения.

Образ ушедшего продолжает существовать как непрерывно трансформирующийся смысловой продукт душевно-духовной работы личности близкого человека. Так что опыт оживляется, воспроизводится, обновляется и развивается, складываясь в историю жизненного пути ушедшего, его биографию, нарратив.

«Присутствие отсутствия» в ситуации утраты характеризует темпоральность личности еще вот в каком смысле: всякое присутствие личности в актуальном бытии в мире расширено, охвачено двумя горизонтами небытия, отсутствия – прошлым и будущим. Поэтому в переживание опыта фиксации «присутствие уже отсутствующего» властно вторгается будущее, требующее продолжения быть вопреки небытию.

Смысл смерти

Ситуация утраты близкого для человека – это ситуация опыта смерти, требующая выработки собственного, личностного смыслового отношения к феномену смерти как естественному аспекту человеческого существования. Отношение к смерти как, личному, персональному феномену предполагает отношение к жизни – продолжению жизни, вопреки конечности, временности, смертности. Тогда нас не удивит выдвигаемое в модели положение о внутренней связи отношения человека к смерти и становления личности, конструирования самоидентичности. Отношение человека к смерти как персональный феномен имеет долгую историю становления и складывается отчасти на основе выделения индивидуально-психологического переживания утраты из социокультурного ритуала скорби – оплакивания и памятования.

Потеря близкого человека традиционно сопровождалась и до сих пор сопровождается социокультурным ритуалом оплакивания и памятования усопшего, обеспечивая культурно-историческую непрерывность связи поколений и связи времен в душевной жизни человека. Однако в этом традиционном оплакивании, которое менялось со временем, горевании и памятовании индивидуальные переживания были естественно вплетены в социо-культурный ритуал скорби, траура, не выделяясь, не дифференцируясь от него как индивидуально-психологический феномен личности.

Индивидуальное горе социокультурном ритуале

Теперь я хочу заострить, проблематизировать эту идею. Индивидуальное горе, вплетенное в социокультурный ритуал первичной общности, начинает медленно, но последовательно дифференцироваться как персональный феномен в Средние века. Уже в период XV-XVIII вв. он выделился как вполне самостоятельное, особенное психологическое явление. На заре XX века

даже отмечается его отчуждение от социальной идентичности. На эту дифференциацию повлияло прежде всего развитие идеи Страшного суда, спасения души и, соответственно, развития культуры заботы о душе. Душевная работа охватывает заботу о близких на основе возвратного приобщения индивидуальности к значимому Другому, несущего с собой страдания при его утрате.

В начале XX века единство социальной скорби и индивидуального горя раскалывается, создавая отчуждение индивидуума, переживающего горе, от социального окружения. Именно в это время отмечается сильное подавление, вытеснение переживания человеком феномена смерти, продиктованное социальным требованием [10]. Дифференцированная, обособленная, дистанцированная от социальной общности индивидуальность теперь оказывается в одиночестве в своем страдании, особенно из-за ослабления традиций, религиозных и семейных ценностей, которые служили для него социальной опорой. К сказанному добавлю: инструментализация современных обществ и сопровождаемый этим культ овладения природой и собой выражаются также в отмеченном социальном подавлении переживания горя, нередко отождествляемого с реактивной депрессией, или меланхолией.

Идея смерти и бессмертия

Забвение смерти, ее подавление, конечно, компенсируется чрезвычайно сильным, извращенным интересом, любопытством к технологиям деструкции в знаково-графической форме – в современном кинематографе, в СМИ, в сети Интернет. Однако феномен смерти как конечности имеет свою оборотную сторону – фундаментальное переживание бессмертия, а также идеи бессмертия.

Потеря значимого близкого человека, доставляющая трагические переживания, страдание и горе, является естественной ситуацией для конечного человеческого существа, знающего о конечности и временности существования на этом свете. Однако человеческая душа двойственна – идея о смерти, временной дискретности, которая приобретается каждым из нас достаточно рано, сочетается, соседствует в душе с фундаментальным переживанием бессмертия, т.е. континуальной временности.

Оформим эту идею в следующее утверждение: потеря близкого вводит человека в ситуацию вторжения небытия, смерти в бытие, жизнь, в которой человек оказывается в ситуации столкновения фундаментальной континуальности (бессмертия), задающей неверие в утрату, и разрыва фундаментального бессмертия (дискретности), требующего принятия смерти. Дихотомия «неверия в смерть» и «принятия смерти» характеризует существо психологи-

ческой проблематики, обозначаемой как «присутствие отсутствующего». От способа ее решения зависит, принимает ли человек факт смерти Другого, конечно, проделывая отмеченную возрождающую трансформацию, и продолжает жить либо продолжает не верить в случившееся и отчуждается от окружающего мира, будучи охваченным настоящим, не становящимся прошлым, прошедшим.

Удар по символическому бессмертию

Психологическую ситуацию современного человека, с поправкой на социокультурные различия, как следует из проведенного анализа, можно обозначить как забвение смерти – подавление смерти – и существование в повседневном горизонте фундаментального переживания бессмертия и неуязвимости. Естественно, связь между феноменами жизни и смерти, которые люди традиционно разделяют, в душевной жизни современного человека разрывается, раскалывается, превращая смерть в потусторонний собственной повседневной жизни феномен отчужденной смерти, в частности, чужой, дальней смерти. Ситуация утраты наносит удар по переживанию символического бессмертия. Сочетание идеи смерти, смертности и конструкции бессмертия и, следовательно, неверия в факт утраты и требования принятия потери забрасывает человека в смысловую дихотомию. Для того чтобы полнее отразить человеческую ситуацию существования, я предлагаю перейти от униполярной концепции смысла жизни к биполярной структуре, сочетающей смысл жизни и смысл смерти.

Рекурсивность бытия

Ситуация утраты, в которой тема смерти, небытия является ведущей, имеет свою оборотную сторону – продолжение быть вопреки небытию. В этой фундаментальной направленности бытия личности выражается не только забота о себе, но и забота о Другом – об ушедших и грядущих, т.е. забота о культурно-исторической преемственности поколений. Так мы открываем феномен рекурсивности бытия личности – работы по воспроизведению, обновлению и развитию опыта бытия личности (в том числе опыта Другого) в ходе усвоения, приобщения опыта к свершающемуся континуальному индивидуальному бытию и отчуждения от него. Рекурсивность собственного бытия является условием сохранения образа утраченного и почвой развития, становления грядущего бытия потомков, в том числе близких, продолжающих жить.

Воспроизведение собственного бытия в мире, требующее связывания в синтетическое единство трех времен жизни, включает в себя еще две задачи: во-первых, задачу оживления, воспроизведения, сохранения опыта бытия значимых Других и культурно-исторического

опыта предшествующих поколений; во-вторых, открытость росту, развитию, осуществлению новых, грядущих возможностей.

Уход и возвращение самоидентичности

Итак, в предлагаемой модели постулируется трансформация привязанности как синтетического единства разрыва и сохранения, осуществляемых в конструктивной работе личности в горизонте трансформации триады «самоидентичности – идентичности личности Другого (утраченного и оставшихся в живых значимых Других) – структуры привязанности». Конструктивная работа личности, являющаяся синтетическим единством усвоения и очуждения опыта бытия (и в забвении бытия, и во вторжении небытия в бытие), происходит как встреча и разлука личности. Чтобы пережить горе, надо трансформировать привязанность к Другому, решая темпорально-бытийную задачу создания континуальности бытия. Для этого надо расстаться с самим собой как бывшим Я, обособиться от него (работа очуждения) и встретиться с ним вновь в акте возрождения, обновления, в нацеленности, направленности на будущее (работа усвоения, утверждения, приобщения). Эта работа с собственным бытием соединяется с работой с бытием Другого. Для этого надо расстаться с Другим, обособиться от него, разместить его в пространстве и времени жизненного мира в дальних мирах. Далее надо вновь стремиться к оживлению, реинкарнации, конструированию нового образа Другого, способного перемещаться в ближние регионы жизненного мира и возвращаться обратно.

Работа психологического умирания и психологического рождения

Процессы индивидуации и приобщения, встречи и разлуки позволяют говорить о метапсихологической работе умирания (элиминации, деонтизации) чего-то в личности и работе рождения (утверждения, онтизации) чего-то в личности (или в целом). В этой работе происходит двойная работа объявления смерти смерти, забвения забвению – очищение от смерти, элиминация смыслов смерти, и объявления жизни жизни – воспроизведение, обновление и развитие смысла жизни путем возвращения личности к жизни. Самоидентичность возвращается к жизни, и образ Другого возрождается, оживляется, продолжая существовать в жизненном мире и времени личности.

Страдание, стойкость и рост

Наконец, хочу обратиться к идее триединства в характере обращения личности с событием утраты, создающего триаду «страдание – стойкость – рост». Сталкиваясь с утратой, человек одновременно переживает страдание, проявляет стойкость, мужество к испытанию, более того, превращает страдание, травму, утра-

ту в источник возрождения своей личности. Переживание горя является функцией трех, а не одной, как это принято считать, переменных. Горе = f (страдание, стойкость, рост, ПС), где ПС – переменные, или паттерны, связывания. Из этой формулы следует, что ослабление тенденций стойкости и роста чрезмерно фиксирует человека на страдании, на душевных и физических муках.

Возвращение самоидентичности личности при горе

В предлагаемом мною постмодернистском подходе прежде всего смещается акцент с противопоставления аффективных и когнитивных процессов к трансформации самоидентичности. Он основывается на положении о двух фундаментальных направленностях, тенденциях, или модусах работы личности – работы индивидуации (синонимы – обособление, отделение, отчуждение, сепарация, различение) и работы приобщения (соединение, уподобление, аффиляция, связывание), из континуального взаимодействия которых объясняется специфика трансформации привязанности с образом утраченного. Особо подчеркну, что образ ушедшего может быть сохранен в позитивном смысле только путем: 1 – его деконструкции, требующей; 2 – конструирования новой самоидентичности, новой идентичности личности утраченного и соответствующей новой структуры связей; 3 – наделения репрезентации местом в феноменальном жизненном мире; 4 – наделения ее временем во временной структуре мира утратившего; 5 – формирования смысловой структуры региона размещения утраченного в жизненном мире утратившего.

Транзитный круг

Работа, проделываемая личностью с утратой, складывается в транзитный круг, который начинается с ухода, разлуки его с миром, из которого ушел близкий, и пребывания рядом с ним. Далее происходит возврат – возвращение к миру, новая встреча, как было сказано, путем возрождающей трансформации и Я, и Другого с большим, расширяющимся миром, в котором каждый обустраивает место и время для ушедших, живущих и грядущих значимых Других.

Конструктирование связи времен

Наконец, в событии личности в мире, в котором происходит перекрест бытия и небытия, жизни и смерти, не только совершается становление континуального индивидуального бытия личности, конструирование связи времен – прошлого, настоящего и будущего, но и решается принципиальной важности культурно-историческая смысловая задача личности. В культурно-исторической работе личности оживляется, воспроизводится и развивается опыт бытия Другого, в том числе, предшествующих поколений, и создается преемственность связи поколений – предков, современников и потомков.

Человек способен идти вперед

Только возвращая минувшие миры ушедших, остающиеся позади него, в собственный современный жизненный мир, человек способен идти вперед, открывая возможности будущего, осуществляя собственное бытие и оживляя бытие Других, которых он утратил.

---

1. *Фрейд З.* Основные психологические теории в психоанализе: Сб.статей. Вып. III / Под ред. И.Д. Ермакова. – М.; П., 1923.

2. *Stroebe M., Stroebe W.* Does "Grief Work" Work? // Journal of Consulting and Clinical Psychology. – 1991. – Vol. 59. № 3. – P. 479–482. *Worden W.* Grief Counseling and Grief Therapy. L. – 1991.

3. *Василюк Ф.Е.* Пережить горе. – М., 1991.

4. *Магомед-Эминов М.Ш.* Мотивация общения // Материалы Луриевских чтений. – М., 1985. *Магомед-Эминов М.Ш.* Трансформация личности. – М., 1998. *Магомед-Эминов М.Ш.* Позитивная психология человека. – М., 2007.

5. *Мухина В.С.* Личность: Мифы и Реальность (Альтернативный взгляд. Системный подход. Инновационные аспекты). – Екатеринбург, 2007.

6. *Линдеманн Э.* Клиника острого горя // Психология эмоций. Тексты / Под ред. В.К. Вилюнаса, Ю.Б. Гиппенрейтер. – М., 1984. – С. 88–105.

7. *Bowlby J.* Processes of mourning // Intern. J. Psycho-Anal. – 1961. – Vol. 42. – P. 317–340.

8. *Parkes C.M.* Bereavement: Studies of grief in adult life. 3rd ed. – L., 1996.

9. *Хайдеггер М.* Бытие и время. – М., 1997.

10. *Арьес Ф.* Человек перед лицом смерти. – М., 1992.